

О революциях принято говорить как о чем-то неизменном, раз и навсегда данном. Но революция революции - разнь! Сегодняшним революционерам хорошо бы разобраться, какой именно «коренной переворот» они хотят про-

вести. Революционеры прошлого в этом хорошо разбирались. Возможно, потому, что революции они изучали не только в теории, но и на практике!

РЕВОЛЮЦИИ

До последнего времени результатом усилий всех революционеров были политические революции. Они представляли в самом разном облике. Но в случае успеха переворота итог был один - старую форму социального неравенства заменяла его новая форма. Самые великие политические революции, двигая общество вперед, не смогли покончить с эксплуатацией, классами и государством.

Перед нами - больше семейство буржуазных и буржуазно-демократических политических революций. Их задача - расчистить место для капитализма, убрать стоящие на его пути феодальные и прочие докапиталистические пережитки. Где-то это происходит под флагом демократии, где-то без него. Да и происходило далеко не сразу. В 1874 году, в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» Фридрих Энгельс отмечал: «(...) Таким образом, Пруссии выпала своеобразная судьба - завершить в конце этого столетия в приятной форме бонапартизма свою буржуазную революцию, начавшуюся в 1808-1813 гг. и сделавшую шаг вперед в 1848 году».

Возможно, эта мысль Энгельса подтолкнула Владимира Ленина к созданию теории «широкой» и «узкой» революций. В 1910 году в «Записках публициста» Ленин так говорил о «завершении буржуазно-демократической революции»: «Если его употребляют в широком смысле, под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение **всего цикла** буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871 годом, а начата в 1789 году».

Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848 года в Германии была «завершена» только в 1850 году или в 50-х годах, несколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, несколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов».

Итак, Ленин выделял «широкую» и «узкую» буржуазные революции! Первая охватывает весь цикл революционных перемен. Вторая - лишь одна из «волн» **внутри этого цикла!** По Ленину, «широкая» буржуазная революция во Франции длилась около 100 лет: с 1789 по 1871 годы. Внутри нее бушевали отдельные революционные «волны»: 1789-1794, 1830, 1848, 1871.

Вооружившись ленинским открытием, посмотрим на российские революции XX века. «Широкий» цикл буржуазных революций в России стартовал в 1905 году. События этого года Ленин характеризовал как революцию буржуазную **по содержанию**, пролетарскую **по форме**. Действительно, неравномерность развития огромной страны привела к тому, что рядом с патриархальным общинным укладом существовали уже и капиталистические монополии, а значит, и вполне развитый пролетариат. Конечно, он не мог остаться в стороне от назревшей революции! Но революционная «волна» 1905 года не добила старый режим. Самодержавие и помещики устояли. Потребовалась новая «волна» февраля 1917 и «пунами» октября того же года. Последнее открыло дорогу развитию крупной машинной индустрии, ускорило гибель мелкотоварного сельхозпроизводства - сделало то, что и должна сделать буржуазная революция. Когда эта исторически прогрессивная задача была выполнена, потребовалась новая революционная «волна» 1991-93 годов. Она смела отжившую к тому времени советскую модель «догоняющего развития», вернула Россию в «нормальный» капитализм. Только с этих пор задачи буржуазной революции в России полностью решены. Осталось перед нами примерно 100-летний цикл буржуазной революционности - 1905-93 годы!

Октябрьская революция в России, а позже революция в Испании, с их мощным пролетарским стержнем, заставили по-новому взглянуть на понятие **пролетарской** революции. История показала, что, по крайней мере, в XX веке такие перевороты вполне подходят под определение пролетарской революции данное в работе Карла Маркса «Морализующая критика и критицизирующая мораль...». Анализировав французскую революцию классик писал: « (...) Поэтому, если пролетариат и свергнет политическое господство буржуазии, его победа будет лишь

кратковременной, будет лишь вспомогательным моментом самой **буржуазной революции**, - как это было в 1794г., - до тех пор, пока в ходе истории, в ее «движении» не создались еще материальные условия, которые делают необходимым уничтожение буржуазного способа производства, а следовательно также и окончательное свержение политического господства буржуазии».

«... вспомогательный момент самой буржуазной революции» - вот «приговор» Маркса пролетарской революции в отсталой стране, где еще нет материальной базы коммунизма! Именно такими странами в первой трети минувшего века были Россия и Испания. Впрочем, до апреля 1917-го года и российские большевики считали, что перед страной стоят задачи буржуазной революции. С меньшевиками они спорили лишь о том, кто будет ее лидером: буржуазия или пролетариат.

Великий Октябрь повлиял на появление нового типа политических революций. Дождавшись «запаздывающих» коммунистических революций на Западе, большевики обратились к кипящему народным движениям Востоку. В июле 1920 года, выступая на II конгрессе Коминтерна, в комиссии по национальному и колониальному вопросам Ленин помимо прочего заявляет: «В-третьих, мне хотелось бы особенно подчеркнуть вопрос о буржуазно-демократическом движении в отсталых странах. Именно этот вопрос вызвал некоторые разногласия. Мы спорили о том, будет ли принципиально и теоретически правильным заявить, что Коммунистический Интернационал и коммунистические партии должны поддерживать **буржуазно-демократическое** (здесь и далее выделено нами - ред.) движение в отсталых странах, или нет; в результате этой дискуссии мы пришли к единогласному решению о том, чтобы **вместо «буржуазно-демократического» движения говорить о национально-революционном движении**. Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьянства, являющегося представителем буржуазно-капиталистических отношений». И все же буржуазные революционеры были пристегнуты к движению, якобы, социалистических Советов: «Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей».

Эта теория была обкатана в Монголии. Произшедшую там в 1921 году революцию крестьян-аратов называли просто «**народной**». К тому времени пролетариата в Монголии не существовало и говорить о «социалистической революции» было бы явным абсурдом. Тем не менее, в Монголии заявили, что придут к социализму перепрыгнув через капитализм! Практика, в конечном счете, не подтвердила эту теорию...

История с переименованием буржуазных революций продолжилась после Второй мировой войны. Тогда появился термин «**народно-демократическая революция**». Она стоит как бы посередине между буржуазными революциями, проведенными пролетариатом, и такими же революциями, во главе которых стояла буржуазия. Для народно-демократических революций характерна политическая власть марксистско-ленинской партии, огосударствление промышленности и, как минимум, попытка коллективизировать деревню. В переживших такие революции странах Азии и особенно в Восточной Европе пролетариат уже стоял на исторической арене и участвовал в революционных переменных. Понятно, где-то в большей, где-то в меньшей степени. Однако, в отличие от Великого Октября, роль пролетариата здесь не столь значительна, а революционные перемены не столь радикальны. Нередко за буржуазией приходило оставить не только собственность, но и политические права. Кроме того, нужно было обозначить лидерство в революционном процессе «старшего брата» - СССР. В итоге революция, к примеру, в Венгрии получила титул **демократической**, в Чехословакии - **национально-демократической**, в Китае - **новодемократической**, во Вьетнаме - **национальной народно-демократической**, на Кубе - **демократической** и **антиимпериалистической**. На изначальном «социалистическом» характере своих революций настаивали только Болгария и Югославия, да еще Румыния при «гении Карпат» Н. Чаушеску. Впрочем, и другие страны соцлагеря заявляли о том, что народно-демократическая революция - только первый этап. А за ним идут уже «социалистические» преобразования.

За всем разнообразием семейства народно-демократических революций видно одно - практически все они произошли в относительно отсталых странах. В странах, которые к моменту революций не до конца решили антифеодальные, буржуазно-демократические, а порой, и национально-освободительные задачи. Последнее, кстати, также доказывает относительную отсталость этих стран. Ведь колонизаторам легче подчинить себе именно экономически отста-

лую страну. Отсталость, пожалуй, меньше всего была характерна для двух стран соцлагеря: Чехословакии и ГДР. Кстати, в ГДР говорили о **антифашистско-демократическом** этапе революции. Но понятно, что после капитуляции Германии, мнение немцев об общественном строе в советской оккупационной зоне спрашивали в последнюю очередь. А Чехословакия, по европейским меркам, все же не была в экономических лидерах.

Словом, народно-демократические революции, чаще всего, происходили там, где **молодой капитализм** нуждался в государственной поддержке для своего скорейшего роста. Тут показателен пример Австрии. В конце Второй мировой часть страны и ее столица Вена были заняты Красной армией. Но создать «Австрийскую Советскую Социалистическую Республику» здесь не удалось. Экономически развитая Австрия уже прошла этап, когда огосударствление могло помочь созданию индустрии. Установленные здесь советских порядков было бы шагом назад. И австрийцы, через правившую Социалистическую партию, отчаянно сопротивлялись этому шагу!

В «соцстранах» Восточной Европы задача «догоняющего развития» была решена относительно быстро - к концу 80-х годов, когда и рухнули просоветские режимы. А вот более отсталая Азия еще не полностью распрощалась с «социалистическими» порядками. Особенно это очевидно для Северной Кореи. Здесь режим «социалистический» огосударствления еще не полностью исчерпал свою прогрессивность. Он только начал давать первые, неизбежные трещины. Но его падение теперь вопрос времени!

А в Южной Корее аналогичные задачи решали через помощь американского и японского капитала, через активный поиск своей ниши на мировом рынке. В итоге, этот путь оказался более эффективным, чем всеобщее огосударствление и самоизоляция КНДР. В середине 80-х годов на Юге валового национального продукта на душу населения приходилось примерно в 2,5-3 раза больше, чем на Севере.

Итог народно-демократических революций очевиден: буржуазное «шило» не удалось утаить в коммунистическом «мешке». «Социалистическая ориентация» и «некапиталистический путь развития» оказались временной мерой именно на капиталистическом пути...

Стать на «некапиталистический» путь развития сегодня явно намерены различные маоистские партии и партизаны относительно отсталых латиноамериканских и азиатских стран. Однако отчаянный героизм партизан не заменит материальные предпосылки коммунизма и не выведет эти страны за грань буржуазных революций. Хотя он и может стимулировать начало **социальной** или **коммунистической** революции в мировых экономических центрах.

В 1 томе «Немецкой идеологии» Карл Маркс отмечал: « (...) Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительных сил и связанного с ними мирового общения». Очевидно, что до начала революции «господствующие народы» будут стоять во главе эксплуатации народов более отсталых. Что мы сегодня и наблюдаем. Но исход социальной революции определяет именно передовые страны, точнее, их пролетариат.

Социальной революции предостойт преодолеть частную собственность, рынок, товарное производство, разделение труда, покончить с классами и государством! Кроме того, социальная революция будет только всемирной. Самая великая политическая революция не могла на это замахнуться! Ведь она осталась ограниченной эксплуататорским обществом и национальными рамками.

Вместе с тем, каждая политическая революция, как движение масс, как опыт их самоорганизации и революционных действий дает представление о грядущей социальной революции, хотя и не означает саму эту революцию. В лучшем случае, политическая революция станет началом революции социальной.

Между этими революциями нет «китайской стены». В работе «Критические заметки к статье «Пруссака» Маркс так это комментирует: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она **социальна**. Каждая революция низвергает старую власть и постольку она имеет **политический характер**».

Итак, социальная революция начнется с политического переворота. Результатом переворота станет установление новой государственности - диктатуры пролетариата. Новизна здесь в том, что это государство будет не разрастаться и крепнуть, как было с Советской властью, а, наоборот, изживать само себя! Да и «государством» оно может быть названо лишь с известной погрешностью. Точнее будет сказать: «полугосударство». Ведь функции управления, распределения и репрессий лягут не на обособленный от общества аппарат, а на миллионы классово организованных пролетариев. Все станут «бюрократами» и потому бюрократия, как особая каста, исчезнет. А вместе с ней исчезнет и государство!

Как уже говорилось, Россия исчерпала свою буржуазную политическую революционность. Теперь здесь встали задачи революции социальной. Поэтому попытку воскресить у нас теории и практику национально-освободительной, народно-демократической, любой другой буржуазной революции сейчас однозначно реакции.

БОЛИВАРСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

В январе этого года десятилетие своей борьбы отметили повстанцы мексиканского штата Чьяпас. А бойцы Революционных вооруженных сил Колумбии (РВСК) в этом году отмечают 40-летие своего движения. Эти юбилеи, на фоне недавних восстаний в Аргентине, Эквадоре и Боливии, оживили маоистские теории о социалистической революционности «третьего мира». Такие теории, конечно, возникли не на пустом месте. Но куда революционные командиры ведут своих бойцов?

Латинская Америка дает нам образцы героической партизанской борьбы, самоотверженного революционного подполья, мощного рабочего движения. Несмотря на обострение классовых конфликтов в развитых странах Запада, подобного размаха и радикализма классовой борьбы там не было уже давно. Так может, идея Карла Маркса о том, что социальной революцией разорвет развитый Запад, устарела? Маоисты говорят именно об этом. Однако, прежде чем соглашаться, выясним что представляет собой боевое и массовое революционное движение Латинской Америки.

Одна из главных задач этого движения - решить аграрный вопрос. Во многих странах региона большая часть сельхозугодий остается в руках латифундистов - крупных землевладельцев: потомков колониальной испанской знати, генералов, крупных чиновников и т. д. Рядом с ними живут массы безземельных крестьян или крестьян, получивших неплодородные земли. В земле нуждаются и многие индейские общины. Поэтому крестьяне активно участвуют в революционной борьбе. Требуют они, в основном, земли и поддержки государством своего мелкого и часто малоэффективного хозяйства. Однако мелким хозяйствам с примитивной техникой трудно конкурировать с крупными капиталистическими агрофирмами. Поэтому в направлении городов постоянно течет поток разорившихся крестьян - процесс, свойственный молодому капитализму.

При всем многообразии рабочих организаций региона, в них можно видеть много общего. К примеру, в крупнейших странах Латинской Америки - в Аргентине и Бразилии - одними из самых массовых рабочих организаций остаются соответственно движение перонистов и тралалистская партия. Их идейную базу составляет национализм, идея союза классов («во имя Родины»), социальные лозунги и преклонение перед вождем. Самый яркий пример последнего - скандально известный аргентинский диктатор середины XX века Хуан Перон. Оба течения опираются на профсоюзы. При всей левой риторике, рабочее движение региона реально сконцентрировано на задаче добиться для пролетариев наилучших условий наемного труда, снизить степень эксплуатации, «выбить» у государства социальные гарантии.

Коренные жители континента - индейцы часто лишены элементарных политических прав, испытывают национальную, культурную дискриминацию. Это - в дополнение к проблеме земли. Как следствие, индейские общины также включаются в радикальные протесты. Их лидеры требуют автономии своих районов, уважения национальной самобытности индейцев, предоставления им политических свобод, решения проблем экологии.

Несмотря на то, что революционными выступлениями бурлит весь регион, в каждой стране революционные силы действуют, в основном, самостоятельно. Революционный всплеск в одной стране обычно мало влияет на положение у соседней. О национальной замкнутости местных революционеров говорит и популярность в Латинской Америке «революционного национализма». Одна из самых крупных и влиятельных революционных организаций региона - РВСК главной задачей считает достижение Колумбийей национальной независимости. Прежде всего, конечно, от грабящих страну корпораций США. В РВСК мечтают о благоденствии «всего народа», о Новой Колумбии - крепком социальном государстве. Достижение такого благоденствия намерены путем «Боливарской революции» - движения за межгосударственное единство латиноамериканских народов, их независимость, свободу и государственные социальные гарантии.

Существуют теории «индейской революции» и «автохтонного (самобытного) социализма» - социализма для индейцев и метисов.

Страны региона периодически попадают в жернова военных диктатур. Поэтому важной чертой революционного движения стали требования политических свобод. В революционных кругах популярен радикальный феминизм, женщина-партизан здесь не редкость.

Все это признаки того, что латиноамериканские революционеры - люди, несомненно, высокой пробы! - ведут свои страны путем буржуазно-демократических революций. Максимум на что нацеливаются самые радикальные из них - построение советской модели государственного капитализма. Но часто не доходит даже до этого! В тех же РВСК допускают союз с «национальной буржуазией», обещают уважать собственность богатых крестьян, признают деление общества на богатых и бедных. А вот именно коммунистические ориентиры - преодоление частной собственности, товарного производства, закона стоимости, наемного труда, разделения труда, классов, государства - в революционных программах остаются «за кадром». Да и можно ли говорить о коммунизме в странах, которые не только не переросли капитализм, но не во всем доросли до него? На этот вопрос Маркс и маоисты отвечают по-разному. Но история уже показала, чем заканчивается победа революционных социалистов в странах относительно молодого капитализма...

